

**ПАМЯТИ СТОКОЗА ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА
и других ВИИЯковцев, а также всех советских воинов,
погибших при выполнении интернационального долга
на территории иностранных государств**

Вулич вышел в другую комнату и сел у стола. Все последовали за ним: он знаком пригласил нас сесть кругом. Молча повиновались ему: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрел ему в глаза; но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд, и бледные губы его улыбнулись. Но, несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его: я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете, — сказал я ему. Он быстро ко мне обернулся, но отвечал медленно и спокойно:

— Может быть да — может быть и нет. . .

М.Ю.Лермонтов

«Фаталист»

(текст и орфография автора)

В районе города Тессеней (в настоящее время территория Эритреи, во время описываемых событий входила в состав Эфиопии) 9 октября 1978 года эритрейскими сепаратистами был подбит и разбился транспортный самолет Ан-12 ВВС СССР. Погибли 12 советских военнослужащих, экипаж, командование авиаполка, как потом выяснилось, вылетевшее на рекогносцировку, а также Стокоз Юрий Михайлович – переводчик, курсант третьего курса факультета восточных языков ВИИЯ (китайский, английский).

Вокруг этого трагического события возникло, и продолжают существовать много не вполне достоверных слухов и легенд. Как один из свидетелей этого трагического события, находившийся с Юрой в одной группе советских специалистов, работавших при штабе 7-ой пехотной дивизии ВС Эфиопии, считаю своим долгом описать реальный ход событий.

Почему я привел цитату М. Лермонтова, спросит читатель. Да, потому, что на примере трагической гибели Юры и последовательности развития событий, связанных с этим печальным событием, явно, с моей личной т.з., просматривается воля рока, зачастую управляющая судьбой любого из нас. Этот феномен особенно ярко может проявиться в критические моменты жизни человека, такие как: боевые действия, различные чрезвычайные ситуации, как социального, так и природного характера. Говорят частенько, что у человека всегда существует выбор как поступить. Может быть и так,

но почему же тогда складывается впечатление, что изменить чего-либо было просто невозможно...

Следует отметить, что год, проведенный в Эфиопии (декабрь 1977 – декабрь 1978), расцениваю как один из лучших периодов своей жизни. В это время реально чувствовал гордость за принадлежность к великой державе – СССР, пользу от моего маленького вклада в наше «общее» дело, интернационализм в действии, был свидетелем проявления самых лучших и самых низких человеческих качеств.

Эфиопия круто изменила нашу жизнь и судьбу, выковав из каждого то, что он заслуживал. Война быстро сорвала с нас камуфляж риторики и «дежурных» поступков, с полной откровенностью обнажив сущность или сущность каждого, кого опалила своим дыханием.

И еще об одном, каждый эпизод, дата или место, упомянутое в этом повествовании, легко мог бы стать основой для отдельной увлекательной истории, способной поспорить с приключениями Сталлоне и Бонда.

В июне 1978 года, по решению ГВС, после возвращения из Джиджиги и Дире-Дауа (Восточный фронт) меня направили в краткосрочную командировку на основную эфиопскую авиабазу в Дебре-Зейт с указанием оказать помощь кубинским и нашим спецам в получении пиропатронов для катапульт самолетов МиГ – 17, после чего явиться в офис ГВС в Аддис-Абебе за новым назначением. В три дня справившись с поставленной задачей и воспользовавшись оплошностью Руководства, не определившего четкие временные рамки моих действий, мы с моим другом Прониным Евгением и рядом других персонажей, как русских, так и кубинцев в течение нескольких дней предавались кутежам с посещением значных мест, благо «кубаши» были при «колесах». Мы, русские, платили, т.к. были при бабках, а «барбудос», бывшие тогда в большом «авторитете» среди местного начальства и населения (эфиопские проститутки обслуживали кубашей бесплатно), обеспечивали «крышу».

Дворец Фасилидаса в Гондарском замке, современный вид

В конце-концов, те же кубинцы наконец подбросили меня через несколько дней до комплекса ГВС. Я доложил Начальнику бюро переводов подполковнику Филатову, который был нашим преподавателем по военному переводу (2-ая английская кафедра). Тот с ходу предложил мне отправиться на северный фронт в

Гондар – древнюю столицу Абиссинии, где при штабе 7-ой пд работали

Вечерний Гондар, современный вид

кубинские и наши военные советники. Вот как раз там, в преддверии крупного наступления правительственных войск и требовались мои неоценимые знания испанского и английского языков. Я без лишних колебаний сразу же согласился, тем более, как, оказалось, предстояла работа с нашими десантниками, что само собой вызывало интерес. Филатов, (досадно – забыл его имя и отчество) видимо, впечатленный моим практически мгновенным согласием, вдруг сообщил, что за четыре из оставшихся шести месяцев командировки, мне заплатят еще КОМАНДИРОВОЧНЫЕ – Ура! (успешно были освоены нами в «гадюшниках» Гондара с целью укрепления интернационализма, т.е. советско-кубинско-

эфиопской и, частично, йеменской дружбы).

Слева на право, Сергей Порожняков, Юра Стокоз, водитель сержант Мельке

Прежде, чем перейти к описанию некоторых моментов службы в Гондаре и собственно трагической гибели Юры Стоказа, опишу самый досадный случай в моей переводческой практике. Дело было так. До отлета в Гондар в течение пары-тройки дней я был «на подхвате» в офисе ГВС. Вот и пришлось с каким-то нашим (убей, не помню с кем) советником по морским делам поехать к

командующему ВМС Эфиопии по поводу сроков прибытия из Союза плавучего дока. Вот тут-то меня и ждал позор, да еще какой! Не знаю уж по какой причине (всегда, вспоминая этот досадный эпизод, стараюсь все списать на бурно проведенную ночь накануне) у меня напрочь вылетело из головы как будет по-английски «плавучий» док. Мамма миа! Ведь в испанском, счастливо для переводчика, существует глагол «**flotar**»!? Стоило его вспомнить и - никаких проблем. Я же вынужден был изгаляться, изобретая сложные описательные варианты перевода, чем поверг военноморского эфиопа в состояние полной протрации,... но ничего обошлось. Зато я вынес отличный урок из этого конфузного случая и в дальнейшей работе практически всегда находил нужные варианты интерпретации в лексике, освоенных мною языков.

Замполит В.А. Чуев, Юрий Стокоз (второй слева), Мулату Богале – Председатель организации Красного террора провинции, Сергей Порожняков на смотровой площадке отеля Куара

Вот и наступило 16 июня 1978 года. На руках билет на Эфиопские авиалинии, мы стартуем с майором Стаськовым В.Н. (в последствии – командиром Псковской дивизии ВДВ, Зам. Командующего ВДВ по миротворческим силам, Начальником штаба ВДВ) на стареньком, по виду времен Второй мировой войны, DC-3. Курс – Бахр-Дар (дозаправка) – Гондар (Гондар, амх. ጎንደር — город в северо-восточной части Эфиопии в 30 км к северу от озера Тана, в регионе Амхара). На борту с нами помимо эфиопов, здоровенный двухметровый кубинец, – негритос, который по непонятной причине не хочет общаться с нами и оценить мое уверенное владение кубинским вариантом испанского языка со всеми его солеными примочками. Нет, не отвертелся, негрито!, через пару дней в баре лучшего на тот момент в Гондаре отеля Террара в результате массированного русского алкогольного наступления, был повержен в честном пиво+виски бою, признал свою полную неправоту и был великодушно прощен, доставлен волоком в свой номер, где – нет не умер, просто проспал весь следующий день.

После колоритного перелета, часть которого проходила над водной гладью крупнейшего в Эфиопии озера Тана (из него берет начало Голубой Нил,

Чуев (первый слева), Стокоз (второй справа), Порожняков. Гондар, 12 сентября 1978 года – четвертая годовщина эфиопской революции.

истоки - в уже упомянутом выше Бахр-Даре) длительностью с полчаса, озеро действительно крупное!, – приземляемся в аэропорту Гондара. Нас встречают Сергей Комогорцев (переводчик, англ. язык, выпускник МГИМО, впоследствии мой ближайший друг, к сожалению уже не с нами) и кто-то из десантников. Едем в Террару, знакомство с группой официальное, размещение, вечером, ясно дело, закрепление отношений с боевыми товарищами, особенно с переводягами – уже упомянутым мною Сергеем Комогорцевым и Юрой Стокозом.

Переводчики на крыше Куары: Сергей Комогорцев, Юрий Стокоз, Сергей Порожняков.

Можно бесконечно, как я уже писал, рассказывать про эпизоды жизни и работы в Эфиопии и конкретно в Гондаре: Бахр-Дар с приключениями в его учебной бригаде (входила в состав 7 пд) и кубинскими врачами из местного бахардарского госпиталя, кубинками из госпиталя в самом Гондаре!!!, лепрозориях, принятии родов в гондарском госпитале - медицинском факультете Адисского университета, попытках эфиопских проституток совратить (да простит нас «Кодекс строителя коммунизма», по нашему наущению) замполита (оказался отличным мужиком, кстати),

вынужденной посадке в вертолете в расположении мятежных подразделений, атаке сепаратистов на наш отель, выездах в боевые подразделения, общении с Председателем организации Красного террора (что-то вроде нашего губернского ЧК), повешенных в день моего рождения сепаратистах и плененных сепаратистах, которые зная, что пощады не будет, продолжали говорить про независимость Эритреи – это все бесконечно.

...Итак, шёл октябрь, т.е. 10 месяц моего пребывания в Эфиопии. Из Террары нас давно перевели в отель попроще Куару, но с громадным преимуществом там была горячая вода! Примерно раз в месяц-два один из нас - переводяг отправлялся в Адисс-Абебу с кем-то из советников по делам службы. Было это, если мне не изменяет память, 5 или 6-го октября, мы с Сергеем Комогорцевым играли в карты в

Майор Гырма – начальник оперативного отдела штаба 7-ой пехотной дивизии, Юрий Стокоз, заместитель Гырмы.

одном из куарских номеров. Вот тут, внимание, и начинается, воздействие РОКА на судьбу человека. Пришел Юра, грустный такой. Была как раз его очередь ехать в столицу. И говорит, что не хочет ехать в Адиссу. Мы ему – мол, Юрка не бери в голову. Это же класс, провести пару-тройку дней в столице, встретиться с корешами, развеяться, узнать последние новости, получить письма, короче - блеск.

А Юра все свое гнет, не по душе ему эта поездка и все тут. В общем, улетел

он на гражданском самолете, имея на руках обратный билет. Через пару дней звонит в штаб Дивизии, зовет нас и говорит. Дела закончил, на завтра, на сутки или двое раньше обратного рейса, есть оказия ТРИ борта Ан-12 в Тессеней. Сможем ли прислать вертушку за ним в таком случае. Отвечаем, что вполне возможно. И вот Юрка, имея обратный билет на гражданский рейс, раньше срока, садится именно во второй из трех Ан-12, которые взлетали подряд с пятью минутным интервалом, и летит в этот гребанный Тессеней.

Ю. Стокоз, С. Порожняков у здания гостиницы

Я был там, на месте падения борта, через несколько дней. Все уже практически было убрано, подобрал обугленный и оплавленный кусок обшивки Юркиного самолета, храню его до сих пор. Ан-12, с Юрой и Командованием авиаполка, подбили (возможно, по наводке) в конце полета. Летчики тянули «до последнего», пытаюсь посадить пылающий факел самолета, он развалился в воздухе, практически уже при посадке. У наших было время

понять и осознать, что происходит...

Эфиопы сутки скрывали от нас факт гибели самолета. Узнали мы обо всем 10 октября. Кубинские медики, с которыми мы дружили, вечером пришли выразить свое соболезнование. Когда мы с Комогорцевым запели любимую Юркину «Там, в дали за рекой», девчонки завывали как белуги. Совсем поздно, здорово зарядившись местным бренди, и в нарушение комендантского часа, мы вывалились с Сергеем из Куары и стали бродить по Гондару. По рассказу Комогорцева, сам помню смутно, сцепились с патрулем, один эфиоп, припер меня к стене какого-то здания, наставив в живот М-14. Его самого жестоко прессанул и забрал второй патруль, который, как выяснилось, послал за нами наш друг из организации Красного террора, видимо, предугадав возможное развитие событий.

Юра посмертно награжден орденом Красной звезды, похоронен в своем родном подмосковном Пушкино. Личные вещи были привезены мной в Союз и переданы по описи семье. Пока был жив Комогорцев, лет 20, мы практически каждый год посещали Юру. Сейчас одному это довольно сложно.

*Эфиопы, кубинцы и русские –
интернационализм в действии!*

И еще, Юрка, по моей просьбе взял из хранилища на Чайна вилла мой чемодан, который там парился много месяцев. «Кожаный» не сгорел, при ударе он раскрылся, и письма, адресованные мне за первые месяцы командировки, разлетелись по ВПП. Их нашли и поначалу думали, ну,

в общем, наших-то было трудно опознать. Моему отцу успели сообщить,

но довольно быстро опровергли. Но это, как велит жанр, совсем уже другая история...

Воистину, каждому свое.

P.S.

Считаю своим долгом добавить два факта, которые, благодаря ВИИЯковскому братству стали известны уже после того, как с моим повествованием смогли ознакомиться наши товарищи. Именно они сделали эти весьма важные дополнения к моему повествованию:

1. В катастрофе Ан-12 под Тессенеом погиб еще один ВИИЯКовец, наш выпускник, бортпереводчик капитан Шеленков Михаил Максимович, 1952 г.р. (Информацию добыл и довел до нашего сведения мой однокурсник Александр Бочковский).

2. Согласно рассказу Николая Скоробогатова (В-80), Андрей Передерей, сокурсник Юры, чудом не оказался в том же сбитем АН-12. Они с Юрой уже шли на посадку в самолет, когда КТО-ТО?!?! окликнул Андрея, сказав, что ему пришло письмо. Он побежал забрать его, а когда вернулся, то увидел Юркин борт уже на рулежке. Андрей вылетел на следующем, третьем транспортнике, и на подходе к Тессенею они обнаружили под собой горевший самолет, не дотянувший до полосы совсем немного. Таким образом, Судьба или Рок в форме этого письма и устами, как говорят, еще одного нашего коллеги, окликнувшего Андрея, спасли ему ЖИЗНЬ,... подтвердив, тем самым, кавказские наблюдения М.Ю. Лермонтова.

Сергей Порожняков (З-79Д)

Москва, Красногорский госпиталь, март 2013 года